

УДК 821.111-31
ББК 84(7Coe)-44
X68

Kat Howard
ROSES AND ROT

*Печатается с разрешения издательства Saga Press,
an imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division*

*Все права защищены, ни одна часть данного издания не может быть
использована в какой-либо форме, включая электронную,
фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы
хранения и воспроизведения информации, без предварительного
письменного разрешения правообладателя.*

Художественное оформление *Василия Половцева*

Ховард, Кэт.

X68 Розы и глен : [роман] / Кэт Ховард ; пер. с англ. Е. Кузнецовой. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-113666-6

Имоджен и Марин — сестры, их отношения сложны, полны тайн и недосказанности, ужасных детских воспоминаний и надежд на будущее. Однажды обе они получают приглашение провести почти целый год в «Мелете» — кампусе для молодых представителей творческих профессий. Марин — балерина, ее танец покорял сердца зрителей, когда она была еще школьницей. Имоджен — начинающая писательница, которая с детства пишет сказки и хочет рассказать правду о том, как им с сестрой жилось в доме матери. Но сестры не подозревают, что «Мелета» и есть тот таинственный край, где сказка встречается с реальностью, и хэппи-энд может обернуться кошмаром. Сестрам и их возлюбленным, друзьям и недругам, наставникам и противникам предстоит немало испытаний. Они должны будут встретиться с непостижимыми существами и ответить самим себе на множество неудобных вопросов.

УДК 821.111-31
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-113666-6

Copyright © 2016 by Kathleen Howard
© Е. Кузнецова, перевод на русский
язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Моей сестре

*Мой друг, рассказ влюбленных этих странен.
Да, но правдив едва ли. Я не верю
Всем этим старым басням, детским сказкам.*

У. Шекспир «Сон в летнюю ночь»*

* Перевод М. Лозинского. Здесь и далее прим. переводчика.

ГЛАВА 1

Марин села на мою кровать рядом с почти собранным чемоданом.

— Имоджен, мне так не хочется, чтобы ты уезжала. О себе я того же сказать не могла.

— Через два года я бы все равно уехала в колледж.

— Да, но ведь это было бы только через два года.

Она порылась в куче моих футболок и вытащила одну, с розой, вышитой обтрепанными лентами.

— Между прочим, это моя.

— Извини, забыла. — Я взяла Марин за руку и провела большим пальцем по ее побледневшим шрамам. Вот беда, мои следы от ожогов зажили не так гладко.

— Ты же знаешь, я не могу остаться, Марин.

— Знаю, — сказала она, глядя на наши сплетенные руки. — Поверить не могу, что она позволила тебе уехать.

— Это все очарование «Блэкстоуна». Она считает эту школу очень престижной.

Чтобы мое бегство из дома стало возможным, я все тщательно спланировала. Я понимала, что должна сыграть на непомерных амбициях матери, подсунув ей информацию, которая потешит ее эго и победит нездоровое удовольствие, которое она получает от противостояния со мной. Только две недели спустя

КЭТ ХОФАРД

после моего зачисления в школу-пансион, которые тянулись мучительно долго, она *так и быть* разрешила мне туда поехать. Она не давала согласия, пока не обнаружила приглашения на собрание родителей. К приглашению прилагался пресс-релиз, где упоминалось, что сын известного дипломата учится в этом престижном заведении.

— Понятно. И теперь она может смиренно утирать слезы и твердить, как скучает по тебе, но не хочет становиться на пути к мечтам дочери, и раз это так важно для тебя, то она, как любящая мать, готова пойти на жертву. — Марин театрально всхлипнула и изобразила, что утирает слезы.

— Жуть, как похоже ты ее передразниваешь!

— Благодарю! — Марин поклонилась. — Я сейчас уделяю большое внимание актерскому мастерству. Это очень помогает созданию образов в балете. — Она помолчала. — Ты приедешь на Рождество?

Я сильнее сжала ее руку, потом отпустила. Как раз год назад, на прошлое Рождество, мы и получили безобразные шрамы. Так что это уж точно не самый любимый мой праздник.

— Ради тебя? Конечно, приеду. А еще есть электронная почта. И мобильные телефоны. Я ведь еду в школу, а не лечу на Марс.

Рождественские каникулы длятся всего две недели, и ради Марин я смогу потерпеть.

— Марин, если ты не спустишься через три минуты, то опоздаешь на занятия, — раздался снизу вкрадчивый, но полный яда голос нашей матери, от которого мороз пробирает.

Марин закатила глаза и подхватила сумку с пуантами, трико и всем остальным, что нужно для танцев.

РОЗЫ И ТЛЕН

— Как же она меня достала. Постоянно следит за мной, даже в балетную школу на машине за мной та-скается.

— Марин, спускайся немедленно! Если не будешь серьезно заниматься, не сможешь стать лучшей. На свете сотни талантливых девушек! Тысячи! Конечно, я создаю для тебя все возможности, чтобы ты превзошла их, но ты должна относиться к занятиям со всей серьезностью. — Кажется, мать уже начала терять терпение.

— Ты начинаешь брать еще и дополнительные уроки балета? — спросила я.

— Больше усердия, и ты затмишь их всех, — произнесла Марин, имитируя голос и манеры нашей матери.

— Но ты и так лучше всех в вашей школе!

— Я достаточно хороша для их уровня. Но чтобы танцевать по-настоящему, я должна постоянно совершенствоваться. Так что дополнительные занятия действительно не помешают.

Она остановилась в дверях и обернулась.

— Просто не понимаю, почему я тоже не могу туда поехать. В этот ваш «Блэкстоун». Если бы ты сказала мне раньше, я бы что-нибудь придумала. Может, ты просто не хочешь, чтобы я была там с тобой?

— Я полтора года копила, чтобы оплатить обучение в этой школе. И все равно не смогла бы уехать раньше следующего года, если бы не получила стипендию. А плату за двоих я бы точно не потянула.

Я спрятала счет от матери, а затем внесла всю сумму за обучение вперед, и теперь могла не беспокоиться о том, что мои накопления внезапно исчезнут.

Сестра повесила спортивную сумку на плечо.

— Ладно. Мне, в общем, все равно. Увидимся на Рождество.

Когда я распаковала чемодан в своей новой комнате в школе-пансионе, кофточка Марин с вышитой розой

КЭТ ХОФАРД

была среди моих вещей. Я коснулась пальцами ленточек, убеждая себя, что у сестры все будет хорошо, что я поступила так, как должна была поступить.

Я не приехала домой ни на Рождество, ни на другие праздники. Мы с Марин ни разу даже не поговорили за следующие четыре года. И ни разу не виделись.

ГЛАВА 2

И вот спустя десять лет после моего расставания с сестрой, я снова складывала вещи, но теперь — чтобы жить вместе с ней. На этот раз я не просто собирала чемодан, но упаковывала все свое имущество для вывоза из квартиры, а Марин не сидела на моей кровати, — мы разговаривали с ней по громкой связи.

— Я выезжаю через четыре часа после тебя, — сказала она. — Давай встретимся у нашего домика в «Мелете». Если, конечно, ты не хочешь меня подождать.

— В аэропорту? Четыре часа? — спросила я, заклеивая коробку с тарелками. Большая часть моих вещей отправлялась на склад. В «Мелете» они мне не пригодятся. Все необходимое, включая тарелки, постельное белье, полотенца и прочее, предоставлялось вместе с жильем в поселении для художников, артистов и вообще людей искусства, куда мы с сестрой сейчас и направлялись.

— Ты права. Это, конечно, глупо. Встретимся сразу на месте.

— У тебя все в порядке? — спросила я. — Мне кажется, ты немного нервничаешь.

— Это не нервы. Просто эхо в твоем телефоне. Люблю тебя!

— И я тебя люблю!

КЭТ ХОФАРД

На самом деле, голос Марин звучал странно. Но не потому, что раздавался из динамика в полупустой комнате. Я не могла не понимать, откуда берутся эти тревожные нотки. И я волновалась из-за того, что мы с ней опять будем жить под одной крышей, что неизбежно вызовет ужасные воспоминания. Я любила сестру, и очень скучала по ней, но трудно оставить прошлое позади, если тот, кто будит воспоминания, живет рядом.

Я запечатала последнюю коробку клейкой лентой и провела по ней ладонью, проверяя надежность упаковки. Все же славно, что мы снова будем жить вместе. У нас обеих все будет просто замечательно.

Рейсовый автобус, в который я села в крошечном аэропорту Манчестера, помчался по ухабистой дороге. Мы пересекли реку, серебристой лентой вившуюся среди зеленых холмов. Я чувствовала себя так, словно попала в волшебный мир поэзии Роберта Фроста, и приветственно кивнула, когда мы проезжали указатель, обозначающий съезд на дорогу к дому-музею поэта. Приятно знать, что знаменитая ферма Роберта Фроста находится рядом с «Мелетой». Чудесный штрих, дополняющий идиллическую картину.

— Все это слишком прекрасно, чтобы быть реальным, Марин, — сказала я, позвонив ей после того, когда она прислала мне ссылку на сайт «Мелеты».

Престижное поселение для представителей всех видов искусств. Полный пансион в течение девяти месяцев, включая жилье и питание. Личный наставник — мастер, достигший вершин в своей области, — *он также будет жить в это время в «Мелете» и курировать вашу работу.*

— Решено, я подаю заявку. Тебе тоже стоит это сделать, Имоджен. Ведь это так здорово, если мы с тобой будем жить там вместе.

РОЗЫ И ТЛЕН

— Это будет чудо, если мы туда попадем, да еще и на пару. Спорим, они получают тысячи заявлений!

— Возможно. Но ведь и мы можем оказаться в числе счастливиц, — сказала она.

— Да, ты права.

Я подготовила портфолио с примерами своих работ, написала резюме, что всегда заставляло меня чувствовать себя сочинителем пафосного манифеста, не имеющего со мной ничего общего, и отправила все это вместе с заявкой.

— Я знала, что ты это сделаешь! — сказала Марин. Она тоже подала заявку. — Знаешь, у меня хорошее предчувствие.

И оно ее не обмануло. Мы попали в число сорока стипендиатов, принятых в «Мелету».

Мелета, согласно древнегреческому писателю Павсанию, была одной из трех старших муз. То были сестры Мелета (покровительница размышлений и опыта), Мнема (муза памяти) и Аэда (покровительница пения). Основатели «Мелеты» как места для творческих людей хотели, чтобы она стала центром, где молодые, подающие надежды художники, писатели, поэты и музыканты получили возможность целиком посвятить себя творчеству, не отвлекаясь на внешний мир.

Этот поселок существовал более семидесяти пяти лет — достаточно долго, чтобы появился впечатляющий список выпускников, обеспечивший колонии великолепную репутацию места, где люди искусства могли развить свой талант. Правда, общую идиллическую картину омрачали несколько скандалов, один из которых оказался настолько громким, что из-за него двери «Мелеты» едва не закрылись навсегда. Этот факт, разумеется, не упоминался в рекламных проспектах.

Все это, действительно, казалось *слишком прекрасным*, чтобы быть правдой. Надо сказать, я совершенно

КЭТ ХОФАРД

не поверила безупречно оформленному сайту и блестящим отзывам. Ни одно место в мире не может быть столь идеальным. Так что, я решила поискать темные пятна на сияющем лице солнца, и потратила на это немало сил. Выяснилось, что о скандале писали на удивление мало, но даже при всей скудости сведений о нем, этот, казалось бы, незначительный факт сразу бросался в глаза, так как был единственной фальшивой нотой в хоре восторженных похвал.

Что именно произошло, было не слишком понятно, остались лишь туманные намеки, ведь все это случилось лет пятьдесят назад. Кажется, это был роман ученицы и наставника, внебрачная беременность, исчезновение человека, возможно, самоубийство... Но все это лишь догадки и недомолвки: «предположительно», «по неподтвержденным данным». Читателя ненавязчиво подводили к мысли, что ничего необычного в той истории не было, подобное могло произойти где угодно, и что ни действия, ни бездействие руководства «Мелеты» никоим образом не могли повлиять на эти события. По крайней мере, под таким соусом все это подавалось в прессе. Тем не менее, после той истории в программу занятий были внесены изменения, наставники стали жить отдельно от учеников, и им разрешили привозить в «Мелету» свои семьи. В общем, можно было предположить, что слухи так или иначе были обоснованными.

Однако все, что с тех пор официально говорилось о «Мелете» отчетливо напоминало степфордскую «идиллию»*. Не подкопаешься. Все, кому посчастливилось попасть туда, заявляли, что это было лучшее время их жизни, и они получили там поистине бесцен-

* Имеется в виду роман Айры Левина и фильм Фрэнка Оза «Степфордские жены», где действие разворачивается в городке Степфорд, за благополучным фасадом которого скрывается нечто зловещее.

РОЗЫ И ТЛБИ

ный опыт. Лучшие выпускники, получая очередную престижную награду, непременно упоминали «Мелету» в благодарственных речах. От такого переизбытка славы и блеска мне было не по себе. Я чувствовала безотчетную тревогу, настолько сильную, что мое заявление — составленное, но не подписанное — так и лежало на столе.

— Имоджен, завтра последний день подачи заявок, — сказала Марин по телефону.

— Знаю, знаю. Просто... Что-то тут не так.

— Ты единственный человек из тех, кого я знаю, кто не верит, что где-то может быть по-настоящему хорошо, и ищет во всем изъяны.

— Дай мне еще немного времени. Завтра определюсь.

— Ладно. Может, получишь какой-нибудь знак во сне. Этого хватит?

Я лишь рассмеялась и отключилась.

В эту ночь мне не приснилось ни «Мелеты», ни литературной премии, — вообще ничего, что могло бы стать предлогом для положительного ответа. Я просто сидела как на иголках до трех часов ночи, мучаясь от мысли, что могу потерять возможность работать под руководством любимого писателя из-за дурацкого предчувствия. В конце концов, я взяла ручку, покрутила ее в пальцах, чтобы размять мышцы, скованные шрамами, и, наконец, подписала заявку черной-красными чернилами, которые всегда использовала на удачу, затем поставила число. Теперь пути назад не было.

Несмотря на то, что Марин подала заявку раньше меня, ответ о зачислении мы получили в один день. Разговор с сестрой по телефону, когда мы поздравляли друг друга, стал одним из самых счастливых моментов моей жизни. Я так гордилась нами обеими!